

Ступив на давно знакомую землю, Цзи Фаньинь увидела родные лица. Забыв о приличиях, она бросилась в объятия матери, Вэй Сянжу.

— Старый слуга благодарит Третьего вана за то, что сопровождал нас в пути, — проговорил Цзи Цзиньань и уже собрался опуститься на колени, чтобы отвесить поклон.

Лян Сесяо вовремя перехватил его, помогая подняться:

— Господин канцлер, вы слишком официальны.

— Скорее расскажи матери, где тебя носило эти полмесяца? Оставила записку и исчезла, даже не попрощавшись!

Цзи Фаньинь не ответила сразу на слова Вэй Сянжу, в которых за показным упреком скрывалась глубокая тревога. Она подняла взгляд и, заметив несколько седых волосков в причёске матери, украшенной пионами, почувствовала, как сердце сжалось от боли.

В носу защипало. Поборов минутную слабость, она улыбнулась, и эта улыбка, подобно весеннему ветру, разгладила тревогу на лицах окружающих:

— Впредь я больше так не буду...

Цзи Цзиньань бросил взгляд на жену и дочь, нахмурившись:

— Хватит своевольничать.

— Если уж искать виноватых, то только меня, — неожиданно вмешался Лян Сесяо. — Если бы я не упомянул при госпоже Цзи, что бамбук из Ушаня славится на весь мир, она бы не загорелась желанием отправиться туда в одиночку...

Все присутствующие изумились, включая саму Цзи Фаньинь. Ушань находился на востоке, в пределах Инчжоу. Поняв, что он намеренно выгораживает ее перед родителями, она почувствовала прилив такой сладости, словно съела целую ложку меда.

— Матушка, зачем вы звали меня?

Вэй Сянжу с улыбкой смотрела на дочь. Та расцвела, став еще краше: глаза — словно осенняя вода, кожа — чище нефрита. Каждый ее жест, каждая улыбка могли бы покорить целые города.

— Фаньинь, скажи матери правду. Там, в Ушане, у вас с Третьим ваном не было... — мать сделала многозначительную паузу.

Щеки Цзи Фаньинь мгновенно вспыхнули, она замялась:

— Нет, матушка, что вы...

А если бы и было? Считается ли тот объятие?

Вэй Сянжу бережно взяла дочь за тонкое запястье и прошептала:

— Ты у нас единственное сокровище, и жениха мы, конечно, подбирали под стать тебе. Но если в той помолвке, что была заключена еще в детстве, у тебя нет к нему чувств, то...

— Не расторгайте помолвку! — выпалила Цзи Фаньинь.

Осознав, что именно она только что сказала, девушка вспыхнула, словно от огня, и густо покраснела. Но, поймав пронизательный взгляд матери, она вдруг обрела спокойствие:

— Пусть всё идет своим чередом.

Вэй Сянжу похлопала дочь по руке. Она видела, как Третий ван относится к Фаньинь, и была рада, что теперь, пройдя через тернии, дочь наконец осознала искренность его чувств. Родители желают детям лишь мира и счастья. Вэй Сянжу опустила глаза: теперь ее единственным желанием было, чтобы Вэй Шань, который когда-то причинил ее дочери столько страданий, больше не тревожил их спокойную жизнь.

Под покровом ночи небосвод усыпали яркие звезды.

В отличие от Цзи Фаньинь, чья судьба начинала обретать ясность, Вэй Шань чувствовал себя пылинкой в пустоте: куда ветер подует, туда она и летит, не властная над собственной участью.

Он пил в одиночестве под луной. Вдруг чья-то рука перевернула его чашку с красным узором на белом фарфоре, и золотистый чай, подобный драгоценному нектару, разлился по столу, наполняя воздух ароматом.

Вэй Чанъянь отпил из своей чаши и задумчиво произнес:

— Как давно мы, отец и сын, не сидели вот так, не дегустируя чай под луной?

Вэй Шань отставил чашку из тонкого фарфора, помедлил и ответил:

— Год, а может, и больше...

— Ты все еще держишь на меня обиду за то, что случилось два года назад?

Спустя семьсот дней Вэй Чанъянь впервые заговорил об этом сам. Вэй Шань молчал.

— Я знаю, что ты винишь меня. В конце концов, это я тогда разлучил вас.

Взгляд Вэй Шаня надолго застыл, прежде чем в нем промелькнула ясность:

— Сын не смеет винить отца. Возможно, нам с ней просто не суждено было быть вместе...

Вэй Чанъянь допил чай и, словно сдергивая завесу с тайны, не спеша проговорил:

— А что, если я скажу тебе, что она не вышла замуж за другого? Она по-прежнему живет в резиденции канцлера, ведет уединенный образ жизни и не вмешивается в мирские дела. Что ты тогда скажешь?

Это известие ударило по нему, словно гром среди ясного неба. Вэй Шань застыл, словно каменное изваяние, не в силах пошевелиться. Лишь спустя долгое время он обрел голос и, схватив отца за локоть, пробормотал:

— Вы... вы не обманываете меня?

Глядя на сына, потерявшего самообладание, Вэй Чанъянь словно вернулся в прошлое, когда он сам, будучи молодым, так же отчаянно боролся за свою любовь, но в итоге разрубил всё одним ударом.

Чувство вины наполнило его сердце. Он едва слышно вздохнул, его лицо, освещенное холодным лунным светом, выражало глубокую скорбь:

— Зачем мне обманывать тебя сейчас?

— Я должен найти ее. Сейчас же.

— Стой! — Вэй Чанъянь крепко схватил его за плечо. — Я не стану препятствовать твоей встрече с ней. Но в каком качестве ты собираешься явиться перед ней?

Вэй Шаня словно окатили ледяной водой. В каком качестве? Беглого преступника? Нет, он не мог позволить ей скитаться вместе с ним и терпеть лишения.

Заметив смятение сына, Вэй Чанъянь решил бросить еще один камень в его бушующее сердце.

— Моим требованием к тебе всегда было: сначала свершить великие дела, а потом заводить семью. Народ страдает, гнев людской растет с каждым днем. Будучи Наставником государства, когда ты сможешь проявить себя? Если ты сможешь свергнуть тиранию клана Гу и избавить народ от страданий — разве это не будет великим делом? Я уже стар и не хочу больше обременять себя государственными делами. В старости нет ничего лучше, чем видеть вокруг себя детей и внуков.

Эта последняя фраза окончательно разрушила все преграды, которые Вэй Шань так старательно возводил вокруг себя.

<http://bllate.org/book/25721/3075301>